УДК 94(47).073

*О.Ю. Солодянкина*

# СМЕНА ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ В ЦАРСТВОВАНИЕ НИКОЛАЯ I: ОЦЕНКИ СОВРЕМЕННИКОВ

В статье приводятся отзывы современников о сочетании космополитического и национального компонентов в воспитании детей российского дворянства конца XVIII – первой половины XIX в., характеризуется впечатление, произведенное сменой правительственного курса в образовательной сфере, совершенного в царствование Николая I.

Россия, Николай I, С.С. Уваров, воспитание, дворянство, межкультурная коммуникация, идентичность.

The article presents the contemporaries' opinion of combination of the cosmopolitan and national component in education of children of the Russian nobility of the end of XVIII-th – early XIX-th centuries. It characterizes an impression made by the change of government policy in education, committed during the reign of Nikolay I.

Russia, Nikolay I, S.S. Uvarov, education, nobility, intercultural communication, identity.

С середины XVIII в. дети в семьях русского дворянства все чаще воспитывались иностранными гувернерами и гувернантками. Первые «плоды» такого воспитания были гибридными, как граф П.Б. Шереметев, о котором французский путешественник Корберон писал: «Он ни русский по манерам, ни француз по образу мыслей; он любит всё французское, кроме самих французов, а к русским примыкает только по национальному характеру» [2, с. 154]. А дальше сказалось влияние французских наставников, и «гибридность» исчезла, сменившись «французскостью». Многочисленны свидетельства такого плана, как оценка графа Александра Салтыкова, сына Н.И. Салтыкова, главного воспитателя великого князя Александра Павловича: он «…напитан был французской литературой, проникнут духом французской аристократии и исполнен знания французской истории. Нужно ли сказать, что на французском языке объяснялся он лучше, чем на природном?» [3, с. 407]. Жозеф де Местр так описывал ситуацию 1810 – 1811 годов: «У меня нет слов, чтобы описать вам французское влияние в сей стране. Гений Франции оседлал гения России буквально так, как человек обуздывает лошадь» [16, с. 161], «истинными идолами русских являются французы» [16, с. 178]. По свидетельству Д.П. Рунича, «дворянская семья, у которой не было гувернёра или гувернантки француженки, считала себя несчастной» [19, с. 52]. Семья Бутурлиных, где дети рождались в интервале от 1794 до 1813 г., демонстрировала пестроту и смену иностранных влияний. По свидетельству М.Д. Бутурлина, он и сестра Елена «обританились», «чем и остались навсегда; в старших же наших сёстрах сохранился колорит (если так могу выразиться) офранцуженного их воспитания, с незначительной примесью итальянского» [9, с. 633]. О самом себе Бутурлин писал так: «По воспитанию я был космополит (скорее однако же Англичанин, чем чтó другое), свободно писал вирши по-английски и по-итальянски и плоховато говорил на родном своём языке» [10, с. 188]. Были семьи, сохранявшие русский колорит, невзирая на все «диковинки» иностранного воспитания. В старой дворянской московской семье Шереметевых, у Сергея Васильевича и Варвары Петровны, многочисленных детей в 1810 – 1820-е годы воспитывали иностранные наставники – сначала француз Дорер, потом Декуле, девочками же занималась графиня Pascalis. Однако, как писал внук Шереметевых, граф С.Д. Шереметев, «все эти иностранцы только знакомили своих воспитанников с языками; другого влияния они не имели и иметь не могли. Всё сглаживалось, претворялось в коренной русской среде, в которой жили по старинке, соблюдая все добрые обычаи, охраняя предания, в неразрывной связи с жизнью церковной, в постоянном общении с народом, входя в его нужды; вместе делились и радости и горести. <…> На таком прочном основании держался краеугольный камень воспитания, и никакие посторонние влияния не могли поколебать эту твёрдую основу, да никому оно и в голову не приходило…» [4, с. 4]. Пожалуй, стоит признать, что была категория людей, которым это очень даже «в голову приходило». Ф.Ф. Вигель, объясняя в мемуарах, почему его не отдали учиться в университетский пансион, куда он так стремился, воспроизводил оказавшийся решающим (в пользу пансиона г-жи Форсевиль) довод гувернантки дочери князя Одоевского, мадемуазель Дюбуа, призванной на семейный совет: «…из рук г-жи Форсевиль молодые люди выходят настоящими французами» [4, с. 24]. Настоящие французы! Да, этот аргумент был безупречным. В конце XVIII в. практически все дворяне хотели вырастить своих чад «настоящими французами». Гувернерское воспитание воспроизводило в детях не национальные, а европейские (или, как тогда предпочитали говорить, космополитические) модели поведения. В Польше, где особенно были сильны патриотические настроения, это следствие заметили достаточно быстро, и

поскольку «образование, получаемое от гувернанток, не соответствовало целям ополячения», при создании Виленского учебного округа (а его в начале XIX в. возглавил князь А. Чарторыйский) открыли частные женские пансионы, где преподавание «шло в духе патриотическо-польском» [14, с. 1250]. Даже Отечественная война 1812 года не изгнала иностранцев из образовательной системы России.

Француз Ансело, побывавший в России в 1826 г., отмечал, что «преподаватели, обучающие детей, образцы, которым их учат подражать, мысли, сообщаемые юным умам, - всё французское» [1, с. 57]. В случае юных графов Толстых (будущего писателя Льва Николаевича и его братьев) «иностранная прививка» была немецкая, полученная благодаря саксонцу-гувернеру Ф.И. Ресселю: «Первоначальное немецкое воспитание сыграло важную роль в формировании характеров мальчиков Толстых» [23, с. 94]. Князь В.Н. Репнин «получил в родительском доме дельное Немецкое воспитание и был похож на Немца» [18, с. 263]. «Немецкий оттенок» в графах и графинях Виельгорских был связан и с происхождением (они были правнуками известного Бирона), и с приобщением к немецкому языку с раннего детства, и с чтением Шиллера и Гете, и с долговременным пребыванием на немецких курортах, где лечился младший из них – Михаил. Софья Виельгорская, в замужестве графиня Сологуб, констатировала: «…мы уехали за границу прежде, нежели серьёзные занятия и взросление создали прочную основу для наших познаний и убеждений. – Мы онемечились, отвыкли от сурового русского климата… <…> …стали космополитами по мнениям, привычкам и склонностям. Меня всегда упрекали за полное отсутствие во мне славянских черт» [15, с. 66].

Полный набор воспитателей основных европейских национальностей трудился в семье Бахметевых в Саратовской губернии в 1800–1820-е годы. Николай Бахметев вспоминал, что у него и пяти сестер было «для воспитания множество гувернёров: французов, немцев, швейцарцев и столько же, если не более, гувернанток разных национальностей» [12, с. 244]. Англичанка Клермонт писала о том, что она наблюдала в русских домах в 1824 г.: «У каждого ребёнка своя гувернантка, и все гувернантки разных национальностей; каждая придерживается своего собственного способа и метода, и такая система не даёт никому спокойствия из-за вечного противостояния идей, манер и языков» [25, с. 212].

Специалисты по межкультурной коммуникации обращают внимание на то, что осознание людьми принадлежности к собственной культуре и одновременно неприятие (или даже враждебность) представителей других культур усиливаются вместе с ростом межкультурных контактов. Такая логика прослеживается и в России. Обращение к национальным традициям началось со вступления на престол Николая I. А.Д. Блудова писала в таких выражениях: «С новым царствованием повеяло в воздухе чем-то новым, что́ Баба-Яга назвала бы Р у с с к и м д у х о м. Сброшено было иго иностранное и, несмотря на колебания, на реакции, являвшиеся неоднократно в течение 30 лет, никогда уже не было раболепного подобострастия перед чужими державами и чужими мыслями, и Уваровский девиз можно всё-таки (с малыми исключениями, вследствие обстоятельств) считать лозунгом всего царствования» [5, с. 183]. Сам же С.С. Уваров в 1838 г. формулировал задачи своего министерства так: «…исцелить новейшее поколение от слепого и необдуманного пристрастия к поверхностному и к иноземному, распространяя в юных умах радушное уважение к Отечественному и полное убеждение, что только принаровление общего, всемирного просвещения к нашему народному быту, к нашему народному духу, может принесть истинные плоды всем и каждому» [17, с. 146].

Даже в императорской семье был заметен (и осознавался!) этот поворот. Как свидетельствовала великая княжна Ольга Николаевна, «в семье мы, четверо старших (Александр, Мария, Ольга, Александра. – *О. С.*), говорили между собой, а также с родителями, всегда по-французски. Младшие же три брата (Константин, Николай, Михаил, родившиеся в 1827, 1831, 1832 г. соответственно. – *О. С.*), напротив, говорили только по-русски. Это соответствовало тому национальному движению в царствование Папа, которое постепенно вытесняло всё иностранное, до сих пор господствовавшее в России» [20, с. 128]. Императрица Александра Федоровна писала о том же: «…я всё ещё чувствовала стеснение и несколько затруднялась говорить по-французски в России, где почти все изъяснялись на этом салонном языке изящно и изысканно. В то время (1819 год. – *О. С.*) мало ещё говорили по-русски, тогда как в настоящее царствование на нашем национальном языке говорят и чаще и более правильно, а это очень хорошо, ибо вполне естественно» [6, с. 51]. Поворот к «русскости» осознавался и графом М.Д. Бутурлиным. Вспоминая 1830 год, он написал: «Я начинал постепенно понимать свою, так сказать, чудовищность в окружавшей меня Русской стихии, в которой я был нечто в роде полу-Итальянца и полу-Британца, и подчас стыдился своего космополитизма и слабого знания отечественного языка и обычаев» [11, с. 345].

В результате изменения правительственной политики в 1830 – 1840-е годы возрос спрос на учителей русского языка в аристократических семьях. А.Д. Галахов, по окончании университета потрудившийся во многих великосветских московских семьях, подтверждал, что «запрос на уроки русского языка проистекал вовсе не из настоятельной в нём потребности, ещё менее из любви к родному слову, как бы внезапно восчувствованной. Ни то, ни другое не могло явиться там, где без родного слова обходились очень удобно, где каждый и каждая гораздо свободнее объяснялись на французском диалекте. Факт объясняется взглядом правительства на народное образование и сообразно тому принятыми мерами. Оно, согласно с намерением и волею государя, должно было совершаться „в духе православия, самодержавия и *народности*“, как выражено в циркуляре графа С.С. Уварова, при занятии им министерского поста. Подчиняясь этой формуле, русское юношество стало предпочтительно воспитываться в отечественных учебных заведениях, а не в пансионах, содержимых иностранцами, или дома, под кры-

лом иностранных гувернёров. Конечно, знание русского языка, не только научное, но и просто практическое, не имело ещё обязательной силы для лиц женского пола – для дочерей богатых и знатных семейств: они учились русской грамоте, следуя моде, по чисто формальному склонению в ту сторону, в которую хотя-нехотя направлялись их братья» [7, с. 110 – 111]. Типичный продукт той эпохи – князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский[1]. Несмотря на воспитание французом-гувернером Деманжо, «с малолетства привившим ему ту симпатию к Франции, которою он отличался впоследствии», А.Б. Лобанов-Ростовский «гордился быть Русским, и это чувство нисколько не ослабело в нём потом, ни под влиянием широкой Европейской образованности, ни от долговременного пребывания в чужих краях. До склона дней своих остался князь Лобанов верен Русскому духу, его проникавшему, и вся его деятельность, научная и политическая, носила истинно народный характер» [22, с. 594].

Свидетельство сенатора К.Н. Лебедева от 1843 г. показывает, насколько свежим, еще не осознаваемым иностранцами был этот поворот в сторону русского языка, русской культуры, русской ментальности: «Мы переживаем новую эпоху, которую хотят называть Русскою. Подражая и заимствуя в продолжение полутора столетия, мы хотим поворотиться назад и развивать элемент Русский. Прежде брали и хорошее и дурное, потому что оно иностранное; нынче мы не хотим даже хорошего, потому что оно иностранное. Не поздненько ли?» [13, с. 493] Лебедев, русский патриот, весьма критически относился к официальному правительственному курсу, к образованию в традициях «официальной народности», считая его мерой половинной, а саму мысль – мелкой в условиях широких межгосударственных контактов, характерных для современности: «Строя дороги и пароходы, пересылая журналы, книги и учителей, вы хотите учредить национальное образование! Нет, для этого нужна национальная атмосфера, границы на морях и в воздухе, или первобытные века и Китайские стены. Вы не учредите национального образования, а стесните мерами своими частную жизнь. Стеснение частной жизни колеблет семейственные основания и портит общество, а чрез это иссушает чувства привязанности, которых никогда не вдохнёт напыщенная декламация публицистов и систематистов, ласкающая национальную гордыню» [13, с. 506].

«Русское направление» в воспитании мальчиков было заметнее. Юношу после забот иностранного воспитателя отдавали в какое-нибудь учебное заведение – практически все они к тому моменту, благодаря деятельности правительства, стали «русскими» по духу. В случае девочек воспитание иностранными наставницами на протяжении всего периода первичной социализации не воспринималось как что-то опасное. Согласно представлениям той поры, женщина была лишена этнической идентичности – она принимала национальность мужа. Поэтому иностранные влияния в воспитании юношества признавались опасными с точки зрения национальной идентичности, а воспитанию девочек то же самое иностранное влияние практически не вредило, наоборот, иностранный шарм, легкий флер «иностранщины» делали дворянскую девушку более привлекательной.

События 1848 г. многими были восприняты как доказательство «безнравственности» Запада и вреда иностранного образования. На время был совсем прекращен доступ в Россию иностранцам, желающим посвятить себя воспитанию юношества [8, с. 897 – 898]. Были приняты меры и против заграничного воспитания русских детей: родителям повторили о необходимости воспитывать своих детей от 10 до 18 лет непременно в России [21, с. 6]. Эти меры привели к новым серьезным изменениям в образовательных практиках.

[1] Как дипломат, А.Б. Лобанов-Ростовский был сторонником сближения с Францией, что ярко проявилось в его деятельности на посту министра иностранных дел.

Литература


1. *Ансело, Ф.* Шесть месяцев в России / Ф. Ансело; вступ. ст., сост., пер. с фр. и коммент. Н.М. Сперанской. – М., 2001.

2. *Артемова, Е.Ю.* Культура России глазами посетивших ее французов (последняя треть XVIII века) / Е.Ю. Артемова. – М., 2000.

3. *Вигель, Ф.Ф.* Записки / Ф.Ф. Вигель: в 2 кн. – М., 2003. – Кн. 1.

4. *Вигель, Ф.Ф.* Записки / Ф.Ф. Вигель. – М., 2000.

5. Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой // Русский архив. – М., 1875. – Кн. 2, № 5.

6. Воспоминания императрицы Александры Федоровны // Александр Второй: Воспоминания. Дневники / вступ. ст., сост., примеч. и подгот. текста В.Г. Чернухи. – СПб., 1995.

7. *Галахов, А.Д.* Записки человека / А.Д. Галахов. – М., 1999.

8. Доклад Министра Народного Просвещения. 18 марта 1848 г. О приостановлении на время приезда иностранных воспитателей и воспитательниц // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения: в 2 т. Т. 2. Царствование Императора Николая I. 1825 – 1855. Отделение второе. 1840 – 1855. – СПб., 1876.

9. Записки графа Михаила Дмитриевича Бутурлина // Русский архив. – М., 1897. – Кн. 1, № 4.

10. Записки графа Михаила Дмитриевича Бутурлина // Русский архив. – М., 1897. – Кн. 2, № 6.

11. Записки графа Михаила Дмитриевича Бутурлина // Русский архив. – М., 1897. – Кн.2, № 7.

12. Записки и дневник Н.И. Бахметева // Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX в.). – М., 2003. – Вып. XII.

13. Из записок сенатора К.Н. Лебедева // Русский архив. – М., 1910. – Кн. 2 – 3, № 7 – 9.

14. Из истории Виленского учебного округа // Русский архив. – М., 1874. – Кн. 1.

15. *Лямина, Е.Э.* «Бедный Жозеф»: жизнь и смерть Иосифа Виельгорского: Опыт биографии человека 1830-х годов / Е.Э. Лямина, Н.В. Самовер. – М., 1999.

16. *де Местр, Жозеф.* Петербургские письма 1803–1817 / Жозеф де Местр; пер. с фр. – СПб., 1995.

17. Общий отчет, представленный Его Императорскому Величеству по Министерству Народного Просвещения за 1837 год. – СПб., 1838.

18. Приключения лифляндца в Петербурге // Русский архив. – М., 1878. – Кн. 2, № 5 – 8.

19. *Рунич, Д.П.* Из записок Д.П. Рунича / Д.П. Рунич // Русская старина. – СПб., 1901. – № 1.

20. Сон юности. Записки дочери императора Николая I Великой Княжны Ольги Николаевны, королевы Вюртембергской. – Париж, 1963.

21. Статья 9 Уставов о службе гражданской // Свод Законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный: в 12 т. – СПб., 1857. – Т. 3, кн. 1. – С. 6.

22. *Теплов, В.* Князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский / В. Теплов // Русский архив. – М., 1896. – Кн.3, № 12.

23. *Толстой, С.М.* Древо жизни: Толстой и Толстые / С.М. Толстой; пер. с фр.; сост. и предисл. Н.И. Азаровой; родословная роспись потомков Л.Н. Толстого Н.П. Пузина. – М., 2002.

24. *Шереметев, С.Д.* Василий Сергеевич Шереметев / С.Д. Шереметев. – СПб., 1890.

25. Claire Clairmont to Jane Williams. 11. 09. 1824 // The Clairmont correspondence: letters of Claire Clairmont, Charles Clairmont, and Fanny Imlay Godwin / ed. by Marion Kingston Stocking. Vol.1. 1808 – 1834. – Baltimore & London, 1995.

УДК 947.072

***С.А. Фролова***

# ЧАСТНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ГРАЖДАНСКАЯ ИНИЦИАТИВА В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В статье проанализированы и систематизированы причины, которые назывались учредителями частных школ и пансионов в документах для получения разрешения на открытие частного учебного заведения. Делается вывод о значительной роли местного общества и чиновничества в поддержании инициативы содержателя школы.

История Российской империи, история частного образования в России.

The article analyzes and systematizes the reasons named by the founders of private schools and boarding-houses in the documents for obtaining the permission to open a private educational institution. The conclusion about the significant role of the local society and officialdom in supporting the initiative of a school landlord is made.

The History of the Russian empire, the history of private education in Russia.

Востребованность частных учебных заведений в российском обществе XVIII – первой половины XIX в. была обусловлена особенностями существовавшей государственной системы образования: недостаточным количеством государственных школ, их плохой материальной обеспеченностью, нехваткой педагогических кадров, незначительным числом элитных закрытых учебных заведений, широким распространением телесных наказаний. Учебные программы государственных школ не удовлетворяли запросам провинциального дворянства (в уездных училищах не обучали иностранным языкам). Эти недостатки государственной системы восполнялись частными учебными заведениями, которые стремились предоставить такие образовательные услуги, спрос на которые был велик в тогдашнем российском обществе и не удовлетворялся в должной мере государственной системой образования.

Под частным образованием автором понимается система, включавшая, с одной стороны, учебные заведения, созданные по инициативе отдельных граждан (или группы лиц) на их собственные средства, с целью воспитания и обучения представителей определенных социальных слоев, вероисповедания и национальной принадлежности. Они могли быть закрытыми и служить не только «для преподавания учения, но вместе с тем и для содержания и вообще для воспитания учеников» [17]. Такие частные учебные заведения получили в России название «пансионы». Кроме школ и пансионов, сфера частного образования включала деятельность домашних учителей и наставников, не состоявших на службе в государственных учебных заведениях.

Думаю, что заявленная тема может рассматриваться только в отношении частных пансионов и школ. Поскольку неправомерно считать гражданской инициативой[1] работу в качестве гувернера или гувернантки, основанную на желании людей честно зарабатывать средства для существования, используя имеющиеся знания, опыт и навыки педагогической деятельности. Хотя домашний учитель из наемного работника мог превратиться в предпринимателя – человека, который совмещает в одном лице руководителя (содержателя) частной школы (или пансиона) и учителя. На этом этапе возникает ряд проблем, решение которых позволяет определить основания для проявления подобной инициативы. Во-первых, что подтолкнуло человека к идее учреждения собственного частного учебного заведения и, главное, кто? Во-вторых, зачем создавалась школа или пансион, т.е. чем была обусловлена необходимость этого учебного заведения.

На поставленные вопросы можно ответить, обратившись к анализу прошений содержателей частных учебных заведений. В соответствии с уставами 1804 г. (§ 141) и 1828 г. (§ 309 – 310) [7], [11] же-

[1] По моему мнению, «гражданская инициатива» – это определенные действия члена общества (или группы лиц), которые свидетельствуют о стремлении человека приносить пользу обществу, государству, Отечеству в целом, выражающиеся в добровольном возложении на себя и в реализации части функций, принадлежащих государству.